
**«Моя поездка в Россию»:
визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г.**

Ирина Быстрова

**«My visit to Russia»: Clementine Churchill's trip
to the USSR in spring of 1945**

Irina Bystrova

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities, Moscow)*

DOI 10.31857/S086956870010145-0

23 марта 1945 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов обратился с письмом «в ЦК ВКП(б) — тов. Сталину И.В.»: «В конце марта в СССР должна прибыть жена Черчилля — Клементина Черчилль. 1. Для организации приёма и пребывания в Советском Союзе Черчилль считаю целесообразным назначить комиссию в составе: И.М. Майский, П.С. Жемчужина, П.Д. Дивакова (Красный Крест), Л.Д. Кислова (ВОКС¹) и Т.К. Кошелева. 2. В плане пребывания К. Черчилль в Советском Союзе предусмотреть посещение Ленинграда, Петергофа, Сталинграда, Ростова-на-Дону, группы Минеральных Вод, Севастополя, Ялты и некоторых других пунктов Крыма и Одессы. Во всех городах предполагается осмотр достопримечательностей, посещение больниц, детских садов, некоторых заводов, научных учреждений и вузов, а также посещение театров, концертов и просмотр кинофильмов. 3. К. Черчилль выразила желание иметь приём у т. Сталина, что и предполагается включить в план. 4. Во время пребывания Черчилль в Москве предусматриваются визиты Черчилль к т. Молотову, т. Колесникову (Красный Крест), в также завтрак у т. В.М. Молотова, чай у П.С. Жемчужиной, обед у т. Колесникова. Предусматриваются визиты, а также обеды, ужины у председателей горсоветов городов, которые К. Черчилль предполагает посетить. 5. Перед отъездом Черчилль из Москвы предполагается организовать приём в ВОКСе с участием советской общественности. Прошу утвердить»².

Предыстория этой примечательной поездки такова. В годы Второй мировой войны супруга премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля баронесса Клементина Огилви Спенсер-Черчилль (1885—1977) не занимала никаких официальных должностей в британском правительстве, но имела огромный авторитет в различных слоях населения своей страны. Именно эта женщина с чрезвычайно развитым чувством милосердия сделала очень многое для организации поддержки СССР с самого начала Великой Отечественной войны. По собственной инициативе она организовала и стала президентом «Фонда помощи России» Красного Креста («Aid to Russia Fund»), работавшего с осени 1941 до 1951 г. несмотря на начавшуюся холодную войну. Фонд помогал Советскому Союзу медикаментами, оборудованием для госпиталей, продуктами питания. Благодаря прежде всего исключительному личному авторитету

© 2020 г. И.В. Быстрова

¹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

² АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 4. На документе резолюция: «За / И. Сталин».

К. Черчилль в Великобритании, Фонд собрал более 8 млн британских фунтов (примерно 200 млн фунтов по современным деньгам).

Материалы о деятельности этой организации, а также о визите Клементины в СССР в марте—мае 1945 г. представлены в фонде К. Черчилль Архива (Архивного центра) У. Черчилля (Churchill Archives Centre). Этот архив был открыт в 1973 г. на территории Колледжа Черчилля в Кембридже, который является национальным мемориалом памяти английского премьер-министра.

Среди документов особо выделяются телеграммы Клементины мужу (их оригиналы наклеены на бумагу малинового и зелёного цветов), наполненные бесценными свидетельствами о положении в различных городах СССР. В том же архиве, но уже в фонде У. Черчилля хранятся материалы об организации этой поездки с британской стороны, а также проникновенные письма Уинстона к жене, полученные ею в ходе этого непростого и затянувшегося против намеченного плана путешествия.

Советская сторона тоже освещала этот визит, которому руководство страны придавало большое политическое значение. Соответствующие документы хранятся в АВП РФ в фонде В.М. Молотова.

В январе 1945 г. посол Советского Союза в Великобритании Ф.Т. Гусев от имени правительства СССР и советского Красного Креста пригласил супругу английского премьера посетить нашу страну. Приняв приглашение, Клементина пожелала побывать в ряде военных госпиталей, детских учреждений, а также городов и районов нашей страны³, что было максимально учтено при составлении плана поездки баронессы. Он, судя по документам МИД, оказался обширным, поэтому неоднократно корректировался в сторону уменьшения. Так, городом-кандидатом на «сокращение» оказалась Одесса (там находилась масса военнопленных из различных европейских стран), но в итоге её оставили в плане. В ходе визита в маршрут включались новые места посещения, например, Курск.

Британская сторона проявила особое внимание организации поездки. По сообщению работника НКВД Г.И. Фомина, 18 марта он принял второго секретаря английского посольства Уотсона по его просьбе. Тот передал меморандум относительно приезда в СССР жены Черчилля. В документе сообщались детали первоначального замысла: Клементину должны были сопровождать «мисс Хэмблин, её личный секретарь, и мисс Джонсон, секретарь “Фонда помощи России” Общества Красного Креста, которая посетила Москву осенью прошлого года вместе с сэром Артуром Абрахамс»⁴.

Судя по меморандуму, Черчилль беспокоился относительно безопасности жены: «Она вылетает в Москву на “Скаймастер”-е (С-54), четырёхмоторном моноплане № E.W. 999. Миссис Черчилль желает лететь через Каир прямо в Москву и хотела бы прибыть примерно в полдень 29 марта. Воздушная секция Британской военной миссии в ближайшее время будет иметь в своём распоряжении подробности маршрута и данные относительно организации специальной сигнализации, необходимой для полёта. Поскольку полёт будет совершаться над Чёрным морем и Крымом, Воздушная секция Британской военной миссии предполагает, что соответствующим советским органом, с которым необходимо вести переговоры о мероприятиях, связанных с полётом, является Отдел внешних сношений Народного комиссариата Военно-морского флота.

³ Там же, ф. 069, оп. 29, д. 89, л. 12.

⁴ Там же, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 1—2.

Посольство Его величества было бы благодарно за скорейшее уведомление его о том, что это за компетентный орган в действительности и что этот орган осведомлён о деталях полёта, с тем чтобы Воздушная секция Британской военной миссии могла сообщить без промедления информацию, имеющуюся в её распоряжении»⁵.

Представленный Молотовым 23 марта 1945 г. окончательный план поездки был утверждён Сталиным. Знаком особого расположения руководства страны стало предоставление К. Черчилль и сопровождавшим её лицам специального поезда. По сообщению корреспондента службы радиовещания BBC Д. Тутаева, поезд был оборудован спальней и гостиной. Клементина пригласила британских и русских друзей перед отъездом из Москвы в Ленинград: «Идите и посмотрите, как комфортабельно они меня устроили»⁶. В шифротелеграмме мужу от 7 апреля она писала: «Мы в России не летаем, а путешествуем с места на место в специальном поезде, всё это организовано мистером [И.М.] Майским. Пожалуйста, телеграфируй ему и поблагодари за все усилия, которые он предпринимает, чтобы организовать наш визит приятно и комфортабельно»⁷. Позже супруга английского премьера отмечала, что поезд двигался «со скоростью 20 миль в час, что позволяло хорошо видеть места, по которым мы проезжали»⁸.

Представляет интерес биография госпожи Черчилль, составленная работником внешнеполитического ведомства В.Г. Трухановским на базе отечественной и зарубежной прессы, сообщений бывшего посла СССР в Великобритании Майского и записки, полученной из советского Красного Креста. Автор выделил как основные факты биографии, так и яркие личностные качества баронессы: «Точная дата рождения неизвестна, так как К. Черчилль, имея приблизительно 60 лет, предпочитает обходить этот вопрос. Отец Клементины был полковником, служил в кавалерии. Мать происходит из старинной аристократической семьи графов Эрли... Родилась в Шотландии, и, как все шотландцы, весьма гордится этим. Клементина... является культурным человеком, любит музыку, театр. Часто посещает концерты. Любит весёлые комедии, но иногда не прочь посмотреть что-нибудь “душу раздирающее”. Говорит по-французски, но не очень блестяще. Хорошо и со вкусом одевается. Весьма общительна, любит выступать публично и по радио. Любит сниматься по различным официальным поводам и собирает фотографические снимки и киноплёнки... Весьма подвижна, вечно куда-нибудь торопится. Замуж за Уинстона Черчилля вышла в 1908 году. К мужу относится с уважением и восхищением. Муж, в свою очередь, очень предан жене и советуется с ней по различным политическим вопросам, поэтому Клементина... всегда очень хорошо осведомлена и от неё иногда можно узнать интересные вещи». Далее следовала характеристика личной жизни (не очень удачной, по мнению составителя) детей миссис Черчилль (Рэндольфа, Дианы, Сары). Особо была отмечена «любимица своего отца» младшая дочь Мэри, которая служила «в войсках противовоздушной обороны»⁹.

⁵ Там же, л. 2—3.

⁶ Churchill Archives Centre. The Papers of Clementine Ogilvy Spencer-Churchill, Baroness Spencer-Churchill of Chartwell, GBR/0014/CSCT 3/48 (CSC's visit to Russia, 1945), l. 4.

⁷ Ibid, CSCT 1/29, l. 18.

⁸ Черчилль К. Моя поездка в СССР. Лондон, 1945. С. 7. Написанная на английском языке и рассчитанная на западного читателя книга «Моя поездка в Россию» сразу была переведена на русский язык и издана под названием «Моя поездка в СССР».

⁹ АВП РФ, ф. 6, оп. 7, д. 246, л. 11, 12.

Трухановский акцентировал внимание на деятельности Клементины по организации помощи СССР: «Она возглавляет созданный 15 октября 1941 г. “Фонд помощи России”, который на 20 марта 1945 г. собрал около 6 700 000 фунтов стерлингов. На средства фонда было закуплено в Англии и отправлено в СССР в 1941—1944 гг. 11 600 тонн медицинского имущества и носильных вещей на сумму в 11 500 000 американских долларов. В настоящее время возглавляемый К. Черчилль фонд готовит оборудование для полного оснащения 2-х больниц в Ростове-на-Дону стоимостью в 400 000 фунтов стерлингов». Также отмечалась её глубокая и искренняя симпатия к советскому народу: «Клементина Черчилль часто выступает по радио и в печати с призывами жертвовать в “Фонд помощи России”... весьма сочувственно отзывается о народах Советского Союза, высоко оценивает военные усилия СССР и успехи Красной армии... 29 сентября 1943 года в “Таймс” было опубликовано заявление К. Черчилль об итогах сбора средств в “Фонд”, в котором она подчеркнула, что собранная сумма (4 млн фунтов стерлингов в то время) незначительна по сравнению с размерами СССР, с количеством его разрушенных городов и численностью его героического непобедимого населения, но она является искренней данью англичан, живущих во всём мире. Богатые и зажиточные люди делают щедрые взносы, но большая часть этой суммы состоит из взносов рабочих, сотни тысяч которых неделя за неделей делают свои вклады. Это действительно народный фонд, и этим путём английский народ выражает советскому народу своё уважение, удивление и восхищение его непрезойдённой храбростью и патриотизмом и военными усилиями». Трухановский подчёркивал, что «выступления Клементины... с призывами помогать народам Советского Союза и её энергичная деятельность как организатора этой помощи по линии Красного Креста имеет большое политическое значение, ибо к её словам прислушиваются и относятся с доверием деловые круги, правые круги консервативной партии и другие элементы, обычно с недоверием воспринимающие положительные отзывы о Советском Союзе»¹⁰.

Оценка степени влияния Клементины на англичан оказалась очень точной. Документы личного архива К. Черчилль (прежде всего письма простых людей) свидетельствуют о её огромном авторитете, благодаря которому во многом и удалось собрать в Фонд такие внушительные суммы. Что же говорить о её влиянии на Уинстона Черчилля? В ходе поездки жены он постоянно посылал ей телеграммы, проникнутые глубокой любовью и заботой. В одной из них, отправленной 31 марта в Каир (Клементина остановилась там из-за непогоды по пути в СССР), Черчилль писал: «Я так сожалею, что ты задержалась. Ты непрестанно в моих мыслях. С нежной любовью от меня и Сары... Желаем всего наилучшего на завтра. Мы шлём и другие послания по случаю дня рождения (она родилась 1 апреля 1885 г. — *И.Б.*), чтобы поздравить тебя по прибытии. Если ты ещё дольше задержишься на Пирамидах, стоит посмотреть Оазис Сива, где Антоний и Клеопатра провели свой медовый месяц... Уинстон»¹¹.

Миссис Черчилль была своего рода неформальным посланником премьер-министра. В первой посланной Клементине в Москву телеграмме (все они, как правило, передавались через А.К. Керра, посла Великобритании в СССР в 1942—1946 гг.) он писал: «Чудесные отзывы о твоей речи и приёме получены нами здесь. В данный момент ты единственное светлое пятно в

¹⁰ Там же, л. 12—13.

¹¹ Churchill Archives Centre, CSCT 3/49 (Cables: WSC—CSC—WSC. Russian visit 1945), l. 2.

англо-русских отношениях. Люблю тебя. Шлю тебе письмо от Мэри»¹². 5 и 6 апреля Уинстон просил: «Пожалуйста, свободно телеграфируй мне каждый день о своих деяниях и политических контактах»; «говори всегда о моём искреннем желании продолжать дружественные отношения между британским и советским народами и о моей решимости упорно над этим работать»¹³.

Телеграммы, отправленные Клементиной мужу по пути следования, были наполнены сильными впечатлениями и искренними чувствами. «Верь мне или нет, но я имела огромный успех, — писала она в одной из них, переданной через Керра 13 апреля из Москвы по пути в Сталинград. — Толпы приветствовали меня везде и были очень дружелюбны... Мы проехали через эту огромную страну с севера на юг, и я хотела бы, чтобы ты знал, что это огромное тёплое чувство кажется повсеместным»¹⁴. Во время одной из остановок, она сообщила: «Семьдесят пять моряков приехали из Севастополя и развлекали нас дома песнями и танцами. Это был захватывающий спектакль. Одна вдохновляющая песня была в честь британских моряков, которые рискуют своими жизнями, приводя конвой в Архангельск»¹⁵. Советские газеты тоже сообщили об этом: «Г-жа Черчилль присутствовала в Алупкинском дворце на концерте, который был дан ансамблем песни и пляски Черноморского флота. Ансамбль исполнил песню, посвящённую морякам Английского королевского флота, занятым транспортировкой грузов в СССР. Г-жа Черчилль поблагодарила участников ансамбля и выразила уверенность, что дружба между советскими и британскими моряками будет расти и крепнуть, так же как и дружба Советского Союза с Великобританией»¹⁶.

Сухие документы из советского архива контрастируют с эмоциональными — из личного архива Клементины. Казалось, каждый шаг её на территории СССР был чётко спланирован и регламентирован. Тексты сообщений о её поездке в центральных газетах тщательно выверялись и редактировались. Так, в фонде Молотова содержатся вырезки из газет с освещением этого визита, который служил средством пропаганды достижений СССР в войне и должен был содействовать укреплению советско-британских отношений. Поэтому во многих местах пребывания миссис Черчилль предусматривались и её выступления по радио, и «кино- и фотосъёмка». Газета «Правда» печатала довольно краткие сообщения с перечислением мест посещения высокой гостьи (иногда цитировались выдержки из её выступлений), а также присутствовавших при этом лиц.

3 апреля 1945 г. газета «Известия» сообщила: «По приглашению правительства СССР и исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР 2 апреля в Москву прибыла председатель Британского комитета “Фонда помощи России” г-жа Клементина Черчилль, супруга премьер-министра Великобритании, в сопровождении секретаря комитета... М. Джонсон. Вместе с г-жой Черчилль прибыл представитель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в Лондоне проф. С.А. Саркисов. На Центральном аэродроме г-жу Черчилль встречали заместитель народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майский, П.С. Жемчужина-Молотова, председатель исполкома Союза обществ Красного

¹² Ibid, l. 3.

¹³ Ibid, l. 6, 7.

¹⁴ Ibid, l. 18, 38.

¹⁵ Ibid, l. 53.

¹⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 74.

Креста и Красного Полумесяца СССР С.А. Колесников, заместитель председателя исполкома Московского городского совета М.В. Сарычева, заместитель председателя исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца СССР П.Д. Диваков, Л.Д. Кислова, Т.К. Кошелева и др. П.С. Жемчужина поднесла г-же К. Черчилль букет цветов. На аэродроме присутствовали посол Великобритании г-н А. Керр, посол Соединённых Штатов Америки г-н А. Гарриман, начальник Военной миссии Великобритании контр-адмирал Э. Арчер и дипломатический состав Великобританского посольства. Аэродром был украшен британскими и советскими флагами... Выступая перед микрофоном на московском аэродроме, г-жа К. Черчилль заявила: “Это один из самых вдохновляющих и волнующих моментов в моей жизни. Мне давно хотелось посетить вашу великую страну, потому что за долгие годы войны я, мои соотечественники и соотечественницы следили с восхищением, уважением, трепетом, удивлением и любовью за великими усилиями вашей замечательной армии и всех ваших мужчин и женщин. Я уверена, что получу большое удовольствие от пребывания у вас”¹⁷.

Корреспондент службы ВВС Д. Тутаев в репортаже от 11 апреля дал более живое описание встречи: “Я был на московском аэродроме, украшенном “Юнион Джеком” (флаг Британской империи) и Красным флагом, когда самолёт Королевских В[оенно]-в[оздушных] с[ил] с миссис Черчилль на борту появился в сером небе, чтобы совершить идеальную посадку... Через минуту или две складная, нарядная фигура миссис Черчилль стояла на трапе, и приглушённый синий цвет униформы Красного Креста контрастировал с яркими весенними цветами, переданными ей мадам Жемчужиной. Было очевидно... приятным сюрпризом для гостей миссис Черчилль, когда в качестве благодарности она произнесла несколько хорошо выбранных и хорошо отрепетированных слов по-русски. И затем, как бы для того, чтобы свести формальности к минимуму, мадам Майская спросила: “Как дети?”. “О, они в порядке”, — ответила миссис Черчилль. “А Мэри — она говорила о лейтенанте Мэри Черчилль... — она сейчас за морем. Она уехала со своей противоздушной батареей”. Это было очень хорошо и искренне... Среди встречавших её должно было быть много людей, сыновья и дочери которых служили на фронте”¹⁸.

Согласно плану организации пребывания Клементины в Москве гости разместились в особняке (ул. Островского, д. 6), подготовку и обслуживание которого, включая питание и обеспечение автомашинами, возложили на НКГБ. В пояснениях заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского находим план, уточнённый на каждый день (однако отмечу, что ключевая встреча Клементины со Сталиным в Кремле 7 мая в этот план не попала!): «3. IV. С аэродрома до особняка (дачи) К. Черчилль сопровождают тов. тов. И.М. Майский и П.С. Жемчужина. Прикреплённая к К. Черчилль тов. Кислова Л.Д. постоянно находится в особняке (на даче) и сопровождает Черчилль, за исключением случаев, когда это будет специально оговорено. На приёме К. Черчилль сопровождает тов. тов. И.М. Майский и А. Керр. При осмотре Кремля К. Черчилль сопровождает тов. тов. И.М. Майский и А.А. Майская. Производится кино- и фотосъёмка. На приёме К. Черчилль тов. А.С. Колесниковым присутствует проф. Саркисов. На спектакле «Князь Игорь» в Большом театре в центральной ложе присутствуют: (список прилагается. — *И.Б.*).

¹⁷ Там же, л. 36.

¹⁸ Churchill Archives Centre, CSCT 3/48, l. 3.

Примечание 1: Ответственные работники НКИД, НКЗдрава, Красного Креста и дипломаты Английского посольства размещаются в двух соседних, примыкающих к центральной, ложах. Примечание 2. Дипкорпус в театр не приглашается. 4. IV. При осмотре города К. Черчилль сопровождают тов. тов. Саркисов, Т.К. Кошелева, Л.Д. Кислова. При осмотре К. Черчилль Московского Метрополитена К. Черчилль встречают и дают объяснения тов. тов. Новикова и З. Фёдорова. Список приглашаемых на завтрак 4. IV. к П.С. Жемчужиной и В.М. Молотову прилагается. При посещении ф-ки “Красный Октябрь” К. Черчилль сопровождают тов. тов. И.М. Майский, П.С. Жемчужина и Быстрова. Посещение ф-ки заснять на кино- и фотоплёнку, предусмотреть звукозапись. Дирекция ф-ки преподносит коробку конфет для К. Черчилль и коробку — У. Черчилль (так в документе. — *И.Б.*). 5. IV. При посещении К. Черчилль госпиталя её сопровождают тов. С.А. Колесников, проф. Саркисов. В госпитале производится кино- и фотосъёмка. При посещении К. Черчилль детского сада ф-ки “Дукат”, её сопровождают тов. тов. В.М. Сарычева и Быстрова. Производится кино- и фотосъёмка. На заседании исполкома Красного Креста К. Черчилль вручается адрес и значок “Отличник санитарной обороны СССР” (оригинал кожаной красной обложки от этого значка автору удалось обнаружить в фонде К. Черчилль в архиве Черчилля в Кембридже. — *И.Б.*). После заседания выступление детского театра санитарного просвещения (в этом же помещении). На заседании К. Черчилль сопровождают тов. тов. Саркисов, Л.Д. Кислова, Т.К. Кошелева. Производится кино- и фотосъёмка. 6. IV. При посещении железнодорожной больницы К. Черчилль сопровождают тов. тов. Митерев, С.А. Колесников, Саркисов и Диваков. Производится кино- и фотосъёмка. Перед чаем у П.С. Жемчужиной устраивается небольшой концерт 5 ч. (продолжительностью 30 мин). В концерте принимают участие: квартет им. Бетховена, Максакова и Лисицын. Список приглашаемых на чай прилагается. На спектакле “Бахчисарайский фонтан” в Большом театре, в центральной ложе присутствуют те же лица, что и на сп. “Князь Игорь”. 7. IV. В Истру К. Черчилль сопровождают тов. тов. П.С. Жемчужина, И.М. Майский, Саркисов и С.А. Колесников. Производится кино- и фотосъёмка... При посещении К. Черчилль родильного дома, её сопровождают тов. тов. С.А. Колесников, Мананникова (заместитель наркома здравоохранения РСФСР. — *И.Б.*), Саркисов. Отъезд в Ленинград спецпоездом в 20.00»¹⁹.

Во время посещения Москвы состоялись несколько приёмов с участием представителей дипкорпуса (с сопровождающими лицами). На один из них — у Жемчужиной — пригласили представителей дипкорпуса союзных держав, а также советской общественности, в том числе выдающихся женщин СССР и жён номенклатурных работников. «5-го апреля, — сообщала “Правда”, — П.С. Жемчужина-Молотова устроила чай в честь находящейся в Москве председателя “Фонда помощи России” г-жи К. Черчилль. На чае присутствовали г-жа М. Джонсон, посол Великобритании г-н А. Керр, посол Соединённых Штатов Америки г-н А. Гарриман с дочерью, посол Канады г-н Уилгресс, посланник Новой Зеландии г-н Ч. Босвелл с супругой, временный поверенный в делах Австралии г-н Э. Ашби, г-н Ф. Робертс с супругой, контр-адмирал Арчер и др. С советской стороны... М.Ф. Шверник, К.И. Вышинская, С.А. Лозовская, С.А. Кавтарадзе, М.Г. Кафтанова, М.В. Сарычева, Н.В. Мананникова, В.И. Мухина, Л. Штерн, В.С. Гризодубова и др., а также заместитель

¹⁹ АВП РФ, ф. 6, оп. 7, д. 246, л. 26—27.

народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майский, председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР д-р С.А. Колесников с супругой, председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного общества культурной связи с границей В.С. Кеменов с супругой и д-р С.А. Саркисов»²⁰.

Упомянутый ранее корреспондент Тутаев в своём репортаже указал на «ноту тепла и спонтанного дружелюбия, которой была отмечена неделя миссис Черчилль в Москве». В частности Тутаев сообщил следующее. Один советский чиновник воскликнул, что в лице миссис Черчилль он благодарит и всех, кто связан с её Фондом, добавив, что хотел бы даже поблагодарить каждого индивидуально. Тогда ему пояснили, что 7 млн участников Фонда жертвовали по «одному пенни в неделю» (penny-a-week contributors). «А я всё равно говорю, — сказал он с улыбкой, — мы будем рады встретиться с ними со всеми». Корреспондент также отметил, что именно от раненых, находившихся «в военном госпитале, где используется британское оборудование, поставленное фондом» миссис Черчилль «получила... такую признательность... которую нельзя забыть. Когда она покидала здание, толпы искалеченных людей выстраивались на лестницах и в коридорах. Миссис Черчилль помахала им. И тогда красноармеец закричал: “Ура госпоже Черчилль! Ура храброму британскому народу!”». Также автор описал забавный случай, который произошёл на московской шоколадной фабрике. Там облачённую в белую спецодежду Клементину «сопровождали от одного стола к другому и просили попробовать “только ещё один”. Таково русское гостеприимство. В конце визита выросли огромные коробки в подарок её семье. Была и одна специальная, для мистера Черчилля»²¹ (судя по всему, гостя в ходе дальнейшей поездки раздарила значительную часть преподнесённых ей конфет, так как к середине поездки их уже не осталось).

Центральным событием официальной программы визита стала встреча миссис Черчилль со Сталиным. Во время беседы, начавшейся 7 апреля в 19 ч, присутствовали также Молотов и госпожа Джонсон. Согласно протоколу встречи, на первый вопрос Сталина, «не было ли утомительным путешествие», Клементина ответила, что «перелёт не был трудным. В Каире самолёт задержался на четыре дня из-за песчаной бури». После дежурного вопроса о том, как гости устроились в Москве, Сталин поблагодарил Черчилль и Джонсон «от своего имени и от имени советского правительства за проделанную ими работу по оказанию помощи населению Советского Союза. Советское правительство намерено наградить г-жу Черчилль орденом, и несколько дней тому назад оно запросило согласие Британского правительства. Но ответа пока ещё не получено. Тов. Сталин спрашивает, кого ещё из своих сотрудников г-жа Черчилль порекомендовала бы наградить за проделанную ими работу. Черчилль благодарит тов. Сталина и говорит, что она будет очень сердита на Британское правительство, если оно даст отрицательный ответ. Черчилль рекомендует наградить также г-жу Джонсон. Джонсон благодарит тов. Сталина»²².

Этот протокол кажется кратким, сухим и формальным по сравнению, скажем, с весьма оживлёнными беседами Сталина с Керром. Например, Клементина спрашивала в направленной мужу телеграмме, дарить ли Сталину ручку с золотым пером. Премьер посоветовал ей поговорить об этом с опытейшим

²⁰ Там же, л. 43.

²¹ Churchill Archives Centre, CSCT 3/48, l. 4.

²² АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 54.

Керром. В итоге подарок был вручён. В записи беседы по этому поводу отмечено: «Черчилль преподносит тов. Сталину вечное перо и говорит, что она привезла его с собой в подарок... от своего мужа, который надеется, что этим пером будут подписаны многие великие документы между Англией и Советским Союзом»²³. Реакция Иосифа Виссарионовича, не зафиксированная в официальном протоколе, описана в воспоминаниях Джонсон: «Сталин сказал, что он пишет только карандашом» — и это действительно было так, о чём хорошо знал посол А.К. Керр²⁴.

После очередного обмена вопросами о здоровье У. Черчилля и детей, последовал вопрос о Ф. Рузвельте. Клементина рассказала, что едет в Ленинград «завтра вечером и проведёт там четыре дня. Затем она собирается посетить Сталинград, Одессу, Ростов-на-Дону, Крым и вернуться в Москву на два дня перед отлётом в Англию, куда она прибудет уже, вероятно, к приезду туда Рузвельта. Маршал Сталин, говорит Черчилль, наверное, слышал о том, что Рузвельт собирается приехать в Англию. Но, кажется, плохое здоровье мешает ему осуществить своё намерение. Тов. Сталин говорит, что он слышал, что Рузвельт собирается в Англию, но он, тов. Сталин, не знает, что Рузвельт себя плохо чувствует. Черчилль замечает, что Рузвельт очень мужественен, если принять во внимание его инвалидность. Рузвельт — сильная и крупная личность. Тов. Сталин соглашается с этим»²⁵. В телеграмме мужу от 8 апреля Клементина предельно кратко сообщила: «Мисс Джонсон и я были приняты Сталиным. Ручка была вежливо принята. Он сказал: “Я его отблагодарю”»²⁶.

Разрешение британской стороны на получение Клементиной ордена Трудового Красного Знамени было передано Керром Молотову 11 апреля 1945 г.: «Мне поручено моим правительством сообщить Вам, что Его величество король Георг VI одобрил принятие г-жой Черчилль этой награды. Я был бы благодарен, если бы Вы информировали об этом советское правительство»²⁷.

Связь между супругами Черчилль во время поездки вне Москвы была организована особым образом. 7 апреля в шифротелеграмме, переданной У. Черчиллю, Клементина сообщила: «Наше путешествие начинаем в воскресенье, после чего я буду передавать ежедневно советскому представителю телеграмму, которая будет передаваться тебе по советским каналам. Твои телеграммы будут посылаться в британское посольство в Москве и передаваться мне через советские органы»²⁸.

Неизгладимое впечатление на баронессу произвели ставшие символом мужества советского народа города Ленинград и Сталинград. Первые впечатления о пребывании в городе на Неве отражены в телеграммах миссис Черчилль мужу: «Думаю, Ленинград самый красивый город, который я когда-либо видела. Нас поселили в прекрасной вилле в пригородах, и скоро начнём наше путешествие. Мне не хватает моих тихих вечеров с тобой. Пожалуйста, пересылай все наши телеграммы Мэри почтой и скажи ей, что она всё время в моих мыслях. Со всей моей любовью, Клемми»; «Вчера мы посетили научный институт, за-

²³ Там же, л. 54—55.

²⁴ Подробнее см.: *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов. М., 2011. С. 69—70.

²⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 55.

²⁶ Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 20.

²⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 244, л. 6.

²⁸ Churchill Archive Centre, CSCT 1/29, l. 19.

нимающийся здоровьем детей, при нём есть госпиталь, где мы увидели много детей, которые всё ещё проходят лечение от последствий длительного голодания в условиях блокады Ленинграда... Нева ещё покрыта тонким слоем льда, но погода прекрасная. Знаменитую конную статую Петра Великого защищали во время блокады. Вчера мы видели, как заграждения разобрали как по волшебству, что порадовали горожан возвращением их любимой статуи. Нас навестил мэр и выпил за твоё здоровье. Затем он повёл на балет. Большой театр здесь очень похож на такой же в Москве, но отделка бледно-голубая вместо багровой»²⁹.

«Вчера мы посетили выставку, показывающую все стадии блокады и обороны Ленинграда, — сообщила Клементина в следующей телеграмме. — Хотела бы я, чтобы ты это видел. Это сделано прекрасно, с моделями и контурными картами. Затем мы посетили госпиталь и вечером присутствовали на специальном представлении балета. Аудитория бурно приветствовала меня, что тронуло меня несказанно. Сегодня утром мы посетили Петергоф, который явил мрачное и жестокое зрелище, так что я была рада уехать. Сегодня мы обедаем с мэром и в полночь уезжаем в Сталинград через Москву». В заключение она написала: «Я хотела бы провести здесь всё лето с тобой и Мэри, катаясь на лодке вверх и вниз по Неве и плавая в Балтийском море. Сейчас оно покрыто льдом, но оно такое мелкое, что сильно прогревается в августе. С любовью, Клемми»³⁰.

С советской стороны пребывание миссис Черчилль в Ленинграде было описано её сопровождающим К.Е. Зинченко, которого Клементина охарактеризовала как «очаровательного молодого человека, который прекрасно говорит по-английски, несколько лет был в советском посольстве в Лондоне»³¹. 11 апреля 1945 г. Зинченко сообщал: «Г-жа Черчилль чувствует себя хорошо. Настроение бодрое. В первой половине дня осматривала Педиатрический институт, также завтракала. Сообщение о взятии нашими войсками Кёнигсберга, о чём здесь было сообщено за завтраком, вызвало с её стороны аплодисменты и бурное выражение радости. В 7 часов председатель Ленинградского совета т. Попков нанёс г-же Черчилль ответный визит. Вечером г-жа Черчилль присутствовала на балете “Гаянэ”. Публика, присутствовавшая в театре, тепло встретила появление г-жи Черчилль в ложе театра. Во время антракта г-жа Черчилль интересовалась жизнью города во время блокады. Тов. Попков отвечал на вопросы г-жи Черчилль. Уехала из театра г-жа Черчилль в очень хорошем настроении. Сегодня послала мужу телеграмму о том, что она уже находится в этом замечательном городе — Ленинграде»³².

В книге, посвящённой поездке в Россию, Клементина дала развёрнутое описание тех событий: «Меня поразил необыкновенный контраст между внешне спокойной красотой этого замечательного города и мыслью о тяжёлых испытаниях, которые его население должно было перенести во время немецкой осады. Долгая повесть о муках Ленинграда была живо представлена на выставке “Защита Ленинграда”, привлекавшей всеобщее внимание. На этой выставке... восстановлена жизнь населения во время блокады. Показывались иллюстрации того, что значило получать 125 граммов хлеба в день на человека, как это было в самый тяжелый период осады, и терпеть при этом же-

²⁹ Ibid, l. 21, 23—25.

³⁰ Ibid, l. 28—30.

³¹ Ibid, l. 30.

³² АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 45.

сточайшую бомбардировку... В продолжение осады на город было сброшено 4 638 фугасных бомб, 102 520 зажигательных и 148 478 артиллерийских снарядов. Я видела на выставке немецкие пропуска для автомобилей, заготовленные к моменту занятия города, так твёрдо немцы были уверены в его падении... На выставке было дано много примеров героизма защитников Ленинграда в это страшное время, также их безграничной способности к импровизации и изобретениям, когда дело касалось доставки снабжения по Ладожскому озеру. Эта “дорога жизни”, как они её называли, ни разу не прерывалась... Никогда в жизни я не была так глубоко потрясена, как при виде детских жертв осады, находящихся на излечении в Педиатрическом институте и в детских домах. С типичной для них жестокостью немцы избрали эту больницу специальным объектом бомбардировки. В мирное время в ней помещалось 1 200 детей, во время войны — 800. Мисс Джонсон и я видели там совсем маленьких мальчиков, которые боролись вместе с партизанами и все ещё страдали от полученных ран, хотя прошло уже два года после окончания осады. Там были дети, раненные при бомбардировке эвакуационных поездов, сироты военного времени... новорождённые младенцы и страдающие от рождения дети, проходившие курс восстановительного лечения. Можно представить себе, какое пагубное влияние должны были оказать на детское здоровье годы недоедания и общие условия осады и бомбардировки... Но сердце радовалось при виде заботы и любви, расточаемых этим крохотным существам, и при взгляде на бесконечное терпение, с которым восстанавливались их больные, изуродованные тела. Эта любовь к детям казалась мне олицетворением веры в будущее, органической частью подъёма жизненных сил и надежд, которые я повсеместно видела в России. Фашисты всюду сеяли смерть при своём нашествии. Они следовали политике намеренного уничтожения. Мы никогда не узнаем, сколько они сгубили людей. Но Россия выдержала! А изумительная нежность и забота, с которыми там обращаются с малютками, встали передо мной как символ жизненной силы, залечивающей раны, нанесённые войной... В Детской больнице мы были глубоко тронуты удивительным приёмом, который нам оказали медсёстры. Они окружили меня и стали восторженно аплодировать. Я чувствовала, что из всех проявлений дружбы я должна обязательно рассказать об этом всем участникам “Фонда помощи России”. Тут, как и везде, я встречала живейшее признание за помощь, которую фонд оказал СССР в мрачайшие дни испытаний»³³.

По прибытии в Сталинград миссис Черчилль встретила тёплый приём со стороны «мистера Пигалева, председателя Сталинградского совета». Передав от него Уинстону в телеграмме большой привет и выражения надежды на дружбу между двумя народами, Клементина как глава британской делегации подчеркнула: «Куда бы мы не поехали, мы везде чувствуем то же самое».

Сталинградцы особенно поразили её: «Обычно население Сталинграда полмиллиона человек, и сейчас в городе ещё живёт 300 тысяч. Два крупных завода перестроены и дают сталь и тракторы, и на них работают тридцать тысяч человек. Они восстановили несколько школ, которые должны работать в две смены. Размещение в госпиталях очень стеснённое, но их восстанавливают настолько быстро, насколько возможно. Мы видели возведение деревни из сборных деревянных домов, в которых будут жить двадцать тысяч человек. Они вос-

---

³³ Черчилль К. Указ. соч. С. 8—9.

становливают их город с таким же духом решимости, с которым они сражались с немцами от дома к дому до тех пор, пока никто не остался не охваченным»³⁴.

Поездку в этот город Клементина описала в своей книге подробнее: «Ужасная картина разрушения развернулась перед нашими глазами. Моя первая мысль была, что это похоже на центральную часть города Ковентри или на руины вокруг собора св. Павла в Лондоне, с той разницей, что хаос и развал казались беспредельными. Одно здание особенно бросилось мне в глаза: это была руина, тщательно подпёртая и подчинённая. Оказалось, что в подвале этого здания русские захватили фон Паулюса, немецкого командующего. Мне подумалось — как типично для русских, что они сделали всё возможное, чтобы сохранить эту руину из-за её символического значения. Она олицетворяла окончательный разгром врага после одной из жесточайших битв во всей истории человечества. Сталинград был поворотным пунктом войны, и русские этого не забудут во веки веков»³⁵.

Она восхищалась жителями Сталинграда: «Мысль о потрясающих страданиях и человеческих жертвах, понесённых вследствие фашистского нашествия, приводит в полное оцепенение. Человеческое воображение просто отказывается представить себе бедствие такого масштаба. Но надо сказать, что как только последние немцы были выбиты из города, русские использовали его как трамплин для атаки. Они знали, что начался, наконец, немецкий отлив. И с какой мрачной решимостью они его использовали! Прежде всего они восстановили разрушенную железнодорожную станцию и пути. Затем они отремонтировали здание городского Совета, чтобы оно снова стало центром гражданской городской жизни. Они восстановили сталелитейный завод, на котором занято 30 000 рабочих и который только что выпустил тысячный по счёту сельскохозяйственный трактор... этот гибельный для немцев город, стал центром непрерывного наступления. В пригородах Сталинграда я видела посёлок... деревянных домов, рассчитанный на 20 000 жителей, в среднем по шесть семей на дом. Деревянные части сплавляются вниз по Волге, за сотни миль, потому что на месте дерева нет... Куда бы мы ни ездили в автомобиле, я всегда сидела впереди рядом с шофёром, чтоб видеть всё, что можно. И тут, в Сталинграде, я часто поражалась картиной семей, живущих в подвалах и землянках. Одна забавная чёрточка может дать представление о бодрости и неунываемости граждан. На фасаде одной из землянок красовался плакат: “Здесь вскоре откроется прекрасный магазин”. “Что это будет?” — я спросила. “Парикмахерская,” — был ответ. Между прочим, Россия вовсе не является страной бородатых мужчин, как часто представляют себе иностранцы, и парикмахеры... в большом спросе»³⁶.

Во время поездки в сообщениях Клементины красота природы контрастировала с тяжелейшими следами вражеской оккупации (погибшие люди, массы раненых солдат в госпиталях и здравницах Кавказских Минеральных вод, разрушенные дома и культурные объекты). Из Кисловодска она писала мужу: «Мы прибыли на Кавказ и находимся на прекрасном курорте в высокой долине между двумя горными цепями. Он знаменит восхитительной минеральной водой, которую ты привозил домой. Немцы были здесь пять месяцев, во время которых они убили многих ведущих докторов и учёных. Мне сказали, что немцы забрали часть рентгеновского оборудования, поставленного моим фондом.

³⁴ Churchill Archive Centre, CSCT 1/29, l. 34.

³⁵ Черчилль К. Указ. соч. С. 10.

³⁶ Там же. С. 11.

Конечно, я постараюсь это возместить и обеспечить поставку ещё необходимого оборудования... Вчера вечером мы посетили местный театр, где показывали весёлую и забавную комедию. Нам сказали, что муж и сын ведущей актрисы были расстреляны немцами. Аудитория восторженно приветствовала и бросала грозды фиалок с галереи. Сегодняшнее утро мы провели за посещением санаториев, полных тяжело ранеными солдатами Красной армии. Кажется, что весь город приветствует нас каждый раз, как мы выходим на улицу, и я постоянно удивлена и тронута столь большим энтузиазмом»³⁷.

18 апреля английский премьер телеграфировал жене: «Сара и я посетили службу в соборе Св. Павла по Рузвельту, которая была очень впечатляющей. Погода здесь ясная и прекрасная. Всё настолько же удивляют её, как и быстротой, с которой была захвачена Германия. Я скорблю о тех жестокостях, которые творили немцы в той прекрасной долине, откуда ты пишешь, но я очень рад узнать о прекрасном приёме, который оказывают тебе везде наши русские друзья». 20 апреля он сообщил Клементине: «Очень рад получить твою телеграмму из Кисловодска и узнать о всей доброте, которую проявили русские люди по отношению к тебе. В этой дружбе между двумя народами живёт величайшая надежда мира. Мы все здесь шокированы самыми ужасными разоблачениями германских жестокостей в концентрационных лагерях. Генерал Эйзенхауэр (Верховный главнокомандующий экспедиционными силами в Западной Европе. — *И.Б.*) предложил мне послать парламентскую делегацию. Я сразу согласился, и она начнёт работу завтра. Они поедут на место (в концлагерь Бухенвальд, освобождённый армией США 13 апреля 1945 г. — *И.Б.*) и увидят ужасы собственными глазами — жуткая обязанность»³⁸.

Последовавшее за Кисловодском посещение Ессентуков и Пятигорска создало у миссис Черчилль впечатление, что «весь Кавказ заполнен госпиталями и санаториями для поправления здоровья раненых бойцов Красной армии... Это прекрасные города, красиво расположенные, с общественными садами... Немцы разрушили очень немного зданий, но в Пятигорске они расстреляли пять тысяч гражданских лиц, включая сотню докторов и учёных и много женщин и детей, и сожгли очень ценную... библиотеку с 150 тысяч книг»³⁹.

Во время однодневного отдыха в этом городе гости отправились на прогулку в лес, где встретили окрестных жителей, а затем посетили музей «Домик Лермонтова». В этих местах запомнили баронессу Черчилль как обаятельную женщину с яркими рыжими волосами и голубыми глазами. Как писала Клементина, «ничто не могло быть радушнее приёма, который нам оказывали жители маленьких кавказских городов. Они ходили за нами по улицам, лица их расплывались в улыбки, они приветственно махали нам, иногда останавливались и аплодировали, и хотя Великобритания была для них бесконечно далёкой страной, они, казалось, вполне понимали цель нашей миссии. Я не могу сказать, что я видала среди них большую долю любопытства к жизни Великобритании, но я повсюду встречалась с почти инстинктивной готовностью откликнуться на дружелюбие и желание помочь, одушевлявшие работу представителей “Фонда помощи России”»⁴⁰.

³⁷ Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 36, 38.

³⁸ Ibid, CSCT 3/49, l. 28, 35. Судя по всему, Клементина получила телеграммы мужа только по возвращении в Москву.

³⁹ Ibid, CSCT 1/29, l. 41.

⁴⁰ Черчилль К. Указ. соч. С. 12.

По прибытии в Ростов-на-Дону жену английского премьера и сопровождавших её лиц разместили «в комфортабельном доме в центре города, который... был серьёзно поврежден немцами. Все мосты через Дон были разрушены, и мы пересекли его по временному мосту... За время войны Ростов дважды попадал в немецкие руки; в общем он был оккупирован в течение семи с половиной месяцев. За это время немцы убили в городе 40 000 человек гражданского населения и 10 000, большей частью женщин, угнали в Германию на рабский труд. Хотя Ростов испытал все ужасы войны, теперь он посвящал все свои силы... на восстановление человеческого здоровья»⁴¹.

Именно здесь, в Ростове, «Фонд помощи России» должен был оборудовать госпитали. В одном из них, сообщила Клементина, оказались разрушенными восемь блоков, а «оставшаяся часть была заполнена красноармейцами со страшными ранениями в живот и раздробленными челюстями и черепами»⁴². В городе с полумиллионным населением, писала она, немцы сожгли дома, «тысячи жителей были убиты, другие многие тысячи женщин и детей... депортированы в Германию, а остальные вынесли тяжёлую долю. Это должен был быть некогда прекрасный город, красивый... он расположен с видом на Дон... Нас окружали дружелюбные толпы. Везде мы видим улыбающиеся лица, и даже в госпиталях тяжело больные люди... приветствуют британских женщин»⁴³.

Оценив огромные масштабы разрушений, отметила Клементина в книге, британцы решили увеличить объём помощи двум главным больницам Ростова-на-Дону — Клинической и Центральной городской: «Когда мы уезжали из Лондона, мы предполагали оборудовать две больницы... по 500 кроватей каждая, но увидав, какая там была нужда, мы решили увеличить число кроватей до 1 500, оборудовав 1 000 в одной больнице и 500 — в другой»⁴⁴.

Во время путешествия в Крым, телеграфировала Клементина мужу, они остановились в Ялте «в Воронцовском дворце, и я сплю в твоей прекрасной спальне. Вчерашнее утро мы провели в Севастополе, что меня очень опечалило, и затем мы приехали сюда по этой драматичной дороге, которую ты так хорошо знаешь. Я очень хорошо себя чувствую и безмерно наслаждаюсь»⁴⁵. Также гости посетили крымские винные погреба. Баронесса Черчилль сообщила мужу: «Перед приходом немцев миллион бутылок и все имевшиеся бочки были выброшены в море, поэтому в настоящее время вина немного, но они снова восстанавливают запасы. Мы попробовали десять различных сортов, все очень вкусные и они посылают тебе подарок»⁴⁶.

В книге она написала, что «с радостью воспользовалась случаем посетить такую святыню русской литературы, как дом Чехова. Меня приняла там его сестра, Марианна; ей теперь 82 года... Преклонение, с которым русские относятся к великим деятелям литературы, музыки и искусства, производит большое впечатление так же, как их восторженное отношение к музыке, опере и балету. Все театры там переполнены»⁴⁷.

---

⁴¹ Там же. С. 12—13.

⁴² Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 45.

⁴³ Ibid, l. 48.

⁴⁴ Черчилль К. Указ. соч. С. 12.

⁴⁵ Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 49—50. Вероятно, имелся в виду отдых во дворце, где проходила Ялтинская конференция союзников в феврале 1945 г.

⁴⁶ Ibid, l. 52.

⁴⁷ Черчилль К. Указ. соч. С. 14.

В прекрасной, по оценке Клементины, Одессе были также видны «тяжёлые разрушения. Доки и верфи были полностью разрушены, но за год после ухода немцев они были полностью расчищены и отстроены, настолько, что судостроительство возобновилось»⁴⁸.

Описывая в книге поездку по районам СССР, бывшим под оккупацией, Клементина затронула проблему Холокоста. Она привела один, но характерный случай: «В Курске меня повезли смотреть детскую больницу. Я испытала там страшный момент, когда заведующий подошёл к кровати, на которой лежала маленькая девочка. “Позвольте представить вам единственную выжившую в Курске еврейку”, — сказал он мрачно, поднимая её на кровати, чтобы мне было виднее. Все евреи были там убиты немцами. Эта девочка спаслась, спрятавшись под матрац. На руке у неё была татуировка — позорное клеймо, изобретённое фашистами»⁴⁹.

Одна из самых ярких страниц повествования К. Черчилль началась с описания Севастополя, при виде которого у нее «прямо зануло сердце. Такая это была печальная картина! Разрушение тут было не таким полным, как в Сталинграде, но казалось ещё трагичнее. Перед тем, как немцы его разрушили в припадке слепого бешенства, он должен был быть сказочно прекрасным городом, очаровательным и поэтическим, с его живописными белыми домами, украшенными колонными портиками. До войны там было до 137 000 жителей; теперь там только 47 000. Город был захвачен немцами 2 июля 1942 г. и освобождён 10 мая 1944 г. В Севастополе и окрестных местностях немцы убили или угнали в плен 67 000 человек, из них 13 000 были умерщвлены на месте. Я не в силах описать или найти достойные слова преклонения перед мужеством людей, оставшихся жить среди невероятного опустошения, поглотившего их город. Это было доминирующим впечатлением всей моей поездки по России: куда бы я ни приезжала, везде я встречала беспримерно мужественное отношение к бедствиям. Помимо следов материального разрушения, которые мы встречали повсюду, мы в каждом городе обнаруживали, что немцы убили там тысячи и тысячи людей. Никто нам этого не сообщал: это надо было выпытывать сочувственными расспросами. Русские, во всяком случае, не выставляют напоказ своих тяжёлых испытаний. Они редко сами заговаривают о немецкой оккупации. Кажется, будто переживание это было так ужасно, что они не хотят останавливаться на нём. Само воспоминание об этом времени им отвратительно. Мне встречались люди, говорившие: “Нам и думать не хочется про немцев”. Что подбодряло настроение, это видеть, как счастье возвращалось в разгромленные города и деревни. Теперь, когда исчез мрак зла, лица мужчин и женщин невольно сияют от счастья. Они могут снова смеяться... Они готовы работать день и ночь, чтобы стереть следы ужасающих испытаний, которые они пережили»⁵⁰.

Волею судьбы пребывание К. Черчилль на территории нашей страны продлилось дольше, чем планировалось. «Кроме Москвы, — сообщил 28 апреля Майский на имя Сталина, — она побывала в Ленинграде, Сталинграде, Кировоградской, Ессентуках, Пятигорске, Ростове, Крыму, 30 апреля будет в Одессе и, вероятно, 4 мая вернётся опять в Москву. Здесь она рассчитывает пробыть до 10 мая и затем улететь домой. Срок пребывания в СССР госпожа Черчилль

⁴⁸ Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 59.

⁴⁹ Черчилль К. Указ. соч. С. 16.

⁵⁰ Там же. С. 13.

удлинила примерно на неделю против своих первоначальных предположений, так как, по её словам, раньше она должна была спешить в Лондон к приезду туда Рузвельта с женой, намеченному на середину мая, однако теперь в связи со смертью Рузвельта все эти планы отпали. Поэтому госпожа Черчилль считает, что может остаться в СССР несколько дольше»⁵¹.

По возвращении Клементины в Москву Керр передал ей целую стопку телеграмм от Уинстона. 2 мая супруг писал ей: «1. Очень рад видеть все твои телеграммы. Сегодня к тебе вылетает “Скаймастер” с большим количеством бумаг и посланий. Твоё возвращение через Мальту довольно легко организовать... Я чрезвычайно много работал... Мой график ужасающий, но чувствую себя хорошо... 2. Посол покажет тебе мои телеграммы Сталину. В настоящее время наши личные отношения очень хорошие, но как ты увидишь, существует много трудностей. Ты должна выразить лично Сталину мои сердечные чувства и мою решимость и уверенность, что полное понимание между англоговорящим миром и Россией будет достигнуто и сохраняется многие годы, поскольку это единственная надежда мира. С нежной любовью, Уинстон»⁵².

Накануне Победы отношения между союзниками становились все более напряжёнными. Тревога Черчилля отразилась в его телеграмме жене от 4 мая 1945 г.: «Я слышал, что ты должна прибыть в Москву 5-го, но что советское правительство говорит о том, что ты останешься до 10-го. В целом я думаю, что 7 или 8-е будут лучшими днями для отъезда. Я дал послу полномочия ознакомить тебя с телеграммами с обоснованием этой позиции. Кажется, у тебя была триумфальная поездка, и я только приветствовал бы, чтобы ты завершила свои дела с простыми русскими людьми. Однако существует много других аспектов этой проблемы, чем те, что ты видела на месте. Поэтому возвращайся, захватив с собой Рэндольфа (сын Клементины и Уинстона, майор Р. Черчилль служил в Особой воздушной службе — *Special Air Service*. — *И.Б.*) на Мальте... В течение последних трёх дней мы узнали о смерти Муссолини и Гитлера. Александер (Александр А.В. — в 1940—1946 гг. Первый лорд Адмиралтейства. — *И.Б.*) взял в плен миллион человек. Монтгомери (Б.Л. Монтгомери — британский фельдмаршал, командующий сухопутными силами союзников в Европе. — *И.Б.*) взял в плен еще 500 000 вчера и гораздо больше миллиона сегодня; вся Северо-Западная Германия, Голландия и Дания капитулируют завтра утром со всеми войсками и кораблями и т.д.; на следующий день Норвегия и подводные лодки, я полагаю, сдадутся; мы все здесь заняты подготовкой к Дню Победы в Европе. Между тем я должен сказать тебе, что под этими триумфами скрывается отравляющая политика и смертельное международное соперничество (в апреле обострились взаимоотношения Великобритании и СССР, прежде всего по вопросу о формировании правительства в Польше. — *И.Б.*). Поэтому я бы вернулся домой после выражения полнейшей благодарности твоим гостеприимным хозяевам. Не задерживайся позже 7 или 8-го, если только не будет проблемы с погодой. Ни в коем случае не улетай в плохую погоду. В любом случае я оставляю это на твоё усмотрение, кроме вопроса с погодой, где твоими руководителями должны быть Королевские ВВС»⁵³.

⁵¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 72.

⁵² Churchill Archives Centre, CSCT 3/49, l. 51—52. Однако, несмотря на предложение Майского об устройстве «прощального завтрака» для британских гостей, вторая встреча со Сталиным не состоялась.

⁵³ *Ibid*, l. 56.

5 мая он получил ответ: «Теперь, когда подробная и немного сложная программа согласована, власти могут считать невежливым, если я поспешно уеду... и могут отнестись мой отъезд к политическим трудностям. Помимо наполненной программы Красного Креста особым [событием] должно стать вручение орденов в Кремле и прощальный обед, который в отсутствие мистера Молотова будет дан мистером Шверником в середине недели»⁵⁴. В Москве застала К. Черчилль и Великая Победа. 8 мая она отправила Уинстону из Москвы шифрованное сообщение: «Все мои мысли с тобой в этот высочайший день, мой дорогой. Это не могло случиться без тебя. Со всей любовью, Клемми»⁵⁵.

9 мая 1945 г. в 22 ч миссис Черчилль выступила от имени британского народа по московскому радио с обращением (так было сказано в русскоязычной преамбуле) к Сталину, Красной армии и советскому народу. В частности было сказано, что «в этот славный день победы» премьер-министр Великобритании просил её зачитать «послание от него маршалу Сталину»: «Я шлю вам сердечные поздравления с блестящей победой, которую вы одержали, изгнав захватчика с вашей земли и низвергнув нацистского тирана. Я твёрдо убеждён в том, что от дружбы и взаимопонимания между британским и советским народами зависит будущее человечества. Здесь на нашем родном острове мы часто думаем о вас, и из глубины наших сердец мы посылаем вам наши пожелания счастья и благополучия, и чтобы после всех жертв и страданий в тёмной долине, через которую мы прошли, мы смогли бы в отношениях верных друзей и симпатии пройти к свету победного мира. Я попросил свою жену сказать всем вам эти несколько слов дружбы и восхищения»⁵⁶.

За благотворительную деятельность Клементина была не только награждена орденом Трудового Красного Знамени (вручён в Кремле Н.М. Шверником 7 мая 1945 г.), но и получила особый подарок. О нём упоминается в письме председателя Комиссии по приёму г-жи Черчилль Майского наркому финансов А.Г. Звереву от 16 апреля 1945 г.: «Прошу вас дать указание конторе Ювелирторга... продать НКВД по себестоимости без налога с оборота бриллиант весом 5,58 каратов для подарка... г-же Клементине Черчилль»⁵⁷.

Получив подарок, Клементина писала: «На завтраке, данном в нашу честь советским правительством за два дня до нашего отъезда, госпожа Молотова преподнесла мне бриллиантовое кольцо — с бриллиантом чистейшей воды, как добывают на Урале. “Мы просим вас принять это кольцо в знак вечной дружбы, — сказала госпожа Молотова. — Да будут отношения между нашими странами так же ясны, чисты и вечны, как этот камень”. Благодаря госпоже Молотову, я сказала, что всегда буду думать о кольце, как о символе доблести советских женщин, чьи подвиги в войне и в восстановлении их страны завоевали наше беспредельное восхищение»⁵⁸.

Благотворительная деятельность миссис Черчилль была известна советским людям, знали они и то, что она получила орден Трудового Красного Знамени. Не исключено, что среди простых советских людей Клементина была более популярна, чем сам Черчилль. Её визит отражён в письмах и воспоминаниях

⁵⁴ Ibid, CSCT 1/29, l. 61.

⁵⁵ Ibid, l. 62.

⁵⁶ Ibid, CSCT 3/49, l. 77. Сразу после радиообращения К. Черчилль был передан его русский перевод.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 68.

⁵⁸ Черчилль К. Указ. соч. С. 18.

советских людей. Например, в архиве баронессы хранится оригинал (приложен и перевод) благодарственного письма простых советских солдат (написанного почти каллиграфическим почерком) — старшего сержанта Свиныхова, младших сержантов Белана и Печенникова, ефрейтора Тулупова: «5.4.45 г. Г-жа Клементина Черчилль! Мы, воины действующей Красной армии Ленинградского фронта части майора Коновалова, от души благодарим Вас... за посещение нашей славной столицы Москвы и за оказанную материнскую заботу к раненым нашей доблестной Красной армии в деле организации новых госпиталей. Желаем Вам счастья... в Вашей плодотворной работе»⁵⁹. Другое — «детское» — впечатление о приезде Клементины Черчилль высказала в своих стихах поэтесса Г.Н. Воронина, встретившаяся, будучи ребёнком санитарки госпиталя в Кисловодске, с посетившей его «английской тётёй»⁶⁰.

«В наш последний вечер в Москве, — написала Клементина в конце своей книги, — нас пригласили в театр на балет “Лебединое озеро”. Когда занавес опустился, прима-балерина, с очаровательной грацией, обратила аплодисменты публики к нашей ложе. Улыбаясь и аплодируя, она повернулась к нам, все участвовавшие последовали её примеру, и вся публика присоединилась к овации. Это было замечательное заключение незабываемой поездки»⁶¹.

Покидая СССР 11 мая 1945 г., она обратилась к Сталину с письмом, зафиксировавшим хрупкое состояние счастья и надежды при переходе от войны к миру: «Мой дорогой маршал Сталин, я покидаю вашу страну после замечательного и незабываемого визита. Я с горечью осмотрела ряд опустошений, содеянных безжалостным и злым врагом, и наблюдала достойное мужество и настойчивость ваших женщин. Мне было оказано наиболее сердечное гостеприимство, и повсюду меня встречали с величайшей добротой и энтузиазмом. Моё счастье было завершено личной встречей с вами и награждением орденом мисс Джонсон и меня самой.

Я знаю о трудностях, которые должны ещё быть преодолены, но мне также известны решимость и уверенность моего мужа в том, что полное понимание между говорящим по-английски миром и Советским Союзом будет достигнуто и сохранено, так как в этом единственная надежда Мира. Я счастлива тем, что мне удалось быть в вашей стране в эти дни завершения высочайшей победы, которую когда-либо видел Мир, и увидеть солнце мира, восходящее в Москве»⁶².

Оказавшись в СССР в День Победы, баронесса Черчилль стала символом и «светлым пятном» в ухудшавшихся на глазах отношениях союзников. Действуя по зову сердца, она, безусловно, внесла большой личный вклад в организацию помощи Советскому Союзу и в развитие дружественных связей между ним и Великобританией в годы войны в целом.

⁵⁹ Churchill Archives Centre, CSCT 3/48, l. 15.

⁶⁰ Посвящённое этому событию стихотворение см.: *Воронина Г.Е.* Созвездие нежности. Ессентуки, 2015. С. 40—41.

⁶¹ *Черчилль К.* Указ. соч. С. 19.

⁶² АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 85.